

Х. Поповска-Таборска

О ПЯСТЕ – СТУПИЦЕ И ПЕСТУНЕ

В этимологических исследованиях существуют особенно трудные области, как бы обреченные а priori на множественность гипотез, касающихся происхождения того или иного слова. К таким областям относится, в частности, исследование имен легендарных личностей, зафиксированных в ранних и неточных письменных свидетельствах. В этой статье мы займемся польским *Пястом* – не для того, чтобы предложить новую и убедительную этимологию, но для того, чтобы еще раз показать те трудности, которые громоздятся перед исследователями языка, обращающимися к древней славянской истории.

Эта легендарная личность появилась в возникшей в 1112–1116 гг. хронике Галла Анонима (liber I, cap. 2) как сын *Хосьциска* (*Chościsko*, реконструкция записи *Chossistco*) и муж *Женки* (*Rzepka*, реконструкция записи *Рерса*), земледелец в гнезненском предместье, который радушно принял двух пилигримов, изгнанных со двора князя Попеля. Кадлубек дал этому сюжету литературное развитие, Великопольская хроника перенесла действие в Крушвицу, с течением же времени имя предка первого рода, правившего в Польше, легло в основу названия династии и стало жить своей собственной жизнью как термин *Пясты* (*Piastowie*), введенный силезскими эрудитами конца XVII и начала XVIII в. и распространенный в XVIII в. А. Нарушевичем¹. Фактически мы располагаем только одной записью этого имени (*Past*), представленной в хронике Галла, поскольку все позднейшие летописные и исторические сообщения по необходимости сводятся к этому единственному свидетельству.

Этимологическая интерпретация реконструирует эту запись как личное имя *Piast* и в принципе ограничивается двумя концепциями, объясняющими происхождение этого имени.

Первая из них повторяет этимологию Александра Брюкнера², который счел слово *Piast* крестьянским прозвищем (что должно было соответствовать убеждению хрониста в крестьянском происхождении правящей династии) и связал его с апеллативами *piast* ‘пест, пестик’ и *piasta* ‘часть колеса’. Однако дело в том, что реконструируемая праслав. форма **pěstь* м.р., засвидетельствованная в названиях песта и части колеса в других славянских областях (ср. чеш. *píst*, ст.-чеш. *piest* ‘пест’, словац. *piest* ‘валек (для белья); ступица’, рус. *пест* ‘пест’), в польском не находит никаких свидетельств. Зато мы найдем здесь богато документированную форму **pěsta* ж.р., ср. ст.-польск. *piasta* ‘средняя часть колеса у повозки, в которую входит ось и в которой сходятся спицы’ (Sł. stpol. VI, 78), а также польск. диал. *piasta*, *piazda* то же, представленное в Мазовии и в соседних областях³.

Это слово зафиксировано во многих польских словарях (например *piasta*, *piazda* ‘высверленная колода у колеса, вращающаяся вокруг оси’

(Варшавский словарь IV, 135), ‘часть колеса повозки, толстая высверленная деревянная деталь, которая вращается вокруг оси⁴), но всегда выступает в форме **pěsta* (также в.-луж. и н.-луж. *pěsta*, словен. *pěsta*), на которую сослался уже в своей “Всемирной хронике” (1551) Марцин Бельский, объясняя имя легендарного польского владыки: “Пишут, что он был низеньким и толстым и поэтому звался *стунцею* (*piasta*)” (цит. по: Linde² IV, 86). Ср. также в связи с вышесказанным ст.-польск. личное имя *Piasta* (1447), которое А. Цесьликова⁵ выводит из польского апеллатива *piasta* ‘часть колеса’. Зато уже чешский язык, в котором существуют континуанты праслав. **pěstь* м.р., сохранил запись старочешского личного имени *Pest*, которое Я. Свобода⁶ склонен возводить к исходному апеллативу **pěstь*. В этом месте следует добавить, что и наш Уважаемый Юбиляр указывает на “такую отнюдь не банальную аналогию, как лексико-семантическая и ономастическая параллель древнерусского имени *Кий* и польского *Piast*, оба – ‘дубина, колотушка, пест’”⁷.

Как же все-таки объяснить факт исчезновения старого апеллатива **pěstь* с польской языковой территории, если считается, что именно такое прозвище носил живший на северо-западе Польши ее легендарный владыка?

Этимология праслав. формы **pěstь*, **pěsta* не представляет особых затруднений. Исследователи обычно связывают эти слова с лит. *piestà* ‘ступа, пест’, лтш. *piesta* то же и указывают на связь с праслав. **pichati*, **рьšeno*. В. Махек (Machek² 451) предполагает при этом уже балто-славянское родовое противопоставление (м.–ж.), которое сегодня, однако, довольно четко делит славянскую языковую территорию (ж. в верхнелужицком, нижнелужицком, польском и словенском, м. в русском и словацком; параллельные формы *píst*, *písta* засвидетельствованы только в чешском языке).

Вторая, значительно менее популярная этимологическая концепция, касающаяся личного имени *Piast*, отсылает к понятию ‘воспитатель княжеских детей, опекун’. Согласно Т. Войцеховскому⁸, это имя служило для обозначения должности воспитателя молодого князя и было следом дворцового переворота, который осуществил мнимый мажордом Попеля, возводя на трон свою династию. Однако дело в том, что сокращенная форма от *piastun* (*piast*) не находит никаких языковых подтверждений. Ибо, как это уже показал Я. Карлович, рецензируя работу Т. Войцеховского⁹, такого рода сокращениям в польском языке подвергались только двучленные имена. Эта не выдерживающая языкового экзамена концепция была бы, разумеется, существенно более привлекательна с точки зрения “значительности” имени легендарного владыки. Ведь праслав. глагол **pěstovati* ‘ухаживать, нянчить’, присутствующий до сегодняшнего дня в большинстве славянских языков, в польском приобрел значение особой деятельности (*piastować władzę, urząd*, также *piastować berło* образно ‘быть королем, монархом’), кто

знает, впрочем, не в результате ли именно вторичной ассоциации с именем легендарного *Пяста*.

Генетически этот глагол представляет собой итератив к **pěstīiti* ‘заботиться, окружать кого-л. заботой’, имеющему в настоящее время в отдельных славянских языках многочисленные разнообразные значения. Ср. также праслав. **pěstunъ* ‘попечитель, опекун, curator’, являющееся широко распространенным в славянских языках пом. sg. от **pěstīiti* с суфф. *-unъ*.

В праслав. **pěstīiti*, **pěstovati*, **pěstunъ* большинство этимологов привыкло видеть апофонические формы к **pīati* ‘кормить, питать’ с группой *-st-*, являющейся интенсивной параллелью к *-t-*, представленному в **pīati*. Этимологии, касающиеся праслав. **pěstovati*, **pěstunъ*, подробно рассматривает Ж.Ж. Варбот¹⁰, которая склонна выводить праслав. глаголы **pěstati*, **pěstīiti*, **pěstovati* из праслав. **pěstrъ* ‘пест, часть ступы – палка, служащая для раздавливания, дробления, толчения’. Ибо, по ее мнению, в основе значений этих славянских глаголов лежит общий элемент повторяющегося движения, характерного также для действия, выполняемого пестом (ср. засвидетельствованные в отдельных славянских языках значения: ‘держа ребенка на руках, играть с ним, подбрасывая его’, ‘двигать, толкать туда–сюда, вверх и вниз’, ‘совать и вынимать, впихивать и доставать, повторяя действие многократно’, ‘идти, тяжело ступая’).

Таким образом, две различные концепции, касающиеся имени родоначальника первой польской династии, в свете исследований Ж.Ж. Варбот, сводятся к одному общему источнику – праслав. **pěstrъ* (впрочем, не засвидетельствованному на польской языковой территории).

В заключение этих рассуждений я хотела бы переместиться на территорию так близкого мне всегда кашубского. Ибо здесь возникло особенное значение глагола *pastovac*. Согласно сообщению Б. Сыхты, наряду с общеславянским значением ‘носить ребенка на руках’, здесь отмечено значение ‘использовать, употреблять (о старых, исчезающих словах)’: *Młodi lēze ju zis takix słów nie pastějō, jak stāri lēze p̄ōdē pastovalē* (Syhta IV, 242, ср. также I, XVIII). И именно из этого выражения родилось современное определение самого крупного кашубского лексикографа – *Piastun mowy kaszubskiej* и *Piastun słowa*, относящееся к Бернарду Сыхте¹¹. Трудно сказать, в какой степени на значительность этого определения повлияло вторичное сближение кашуб. глагола *pastovac* с не вполне ясным именем легендарного *Пяста*.

Примечания

¹ *Gieysztor A. // Słownik starożytności słowiańskich. T. IV. Wrocław etc., 1970, 70–71; Cieślakowa A. Nazwy dynastyczne // Polskie nazwy własne / Pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa; Kraków, 1998, 173–174.*

² *Brückner A. O Piaście // Rozprawy Wydziału Historyczno-Filologicznego Akademii*

- Umiejętności w Krakowie. T. XXXV, 1898, 307–352; *Idem. Piast* // *Przegląd Historyczny*. T. IV. 1907, 15–28; *Brückner* 405.
- ³ Mały atlas gwar polskich. T. I. Wrocław etc., 1957, mapa 19; Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Zesz. III. Wrocław etc., 1966, mapa 126.
- ⁴ Słownik języka polskiego. Wyd. M. Orgelbrand. T. II. Wilno, 1861, 125 (так называемый Виленский словарь).
- ⁵ *Cieślíkowa A.* Staropolskie odapelatywne nazwy osobowe. Proces onimizacji. Wrocław etc., 1990, 94.
- ⁶ *Svoboda J.* Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, 195, 198–199.
- ⁷ *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991, 136.
- ⁸ *Wojciechowski T.* O *Piaście* i *piaście* // *Rozprawy Wydziału Historyczno-Filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie*. T. XXXII, 1895, 171–221.
- ⁹ *Karłowicz J.* // *Wiśła* X, 1896, 151.
- ¹⁰ *Варбот Ж.Ж.* Об этимологии праслав. **pěstovati*, **pěstunъ* // *Slavia*. Ročn. 63, 1994, 135–139. Здесь же – богатый фактический материал.
- ¹¹ Ср.: *Popowska-Taborska H.* Książdz Bernard Sychta – Piastun mowy kaszubskiej // *Tygodnik Powszechny*. XXXVII, 1983, 3–4, 14–15; *Walkusz J.* Piastun słowa, Ks. Bernard Sychta 1907–1982. Gdańsk; Pelplin, 1997.

Перевел с польского А.А. Калашиников

В.В. Седов

РУСЫ VIII–IX вв.

В книге “В поисках единства” О.Н. Трубачевым была выявлена и описана группа архаических (реликтовых) славянских гидронимов на юго-востоке древнерусского ареала (бассейн верхнего и среднего Дона, включая Северский Донец, левобережная часть Среднего Поднепровья и Северное Приазовье). Это преимущественно “гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения (‘продолговатый; тенистый; грязный; непроточный; обтекание’ и т.п.)” с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившегося в славянских языках глаголах. “По всем признакам это древнейший разряд гидронимов” – подчеркивает О.Н. Трубачев. Произведенное им сопоставление этой группы водных названий с другими праславянскими группами гидронимов отчетливо демонстрирует обособленность (диалектность) архаической речной номенклатуры донецко-донского и лесобережно-днепровского ареала¹.

В этой связи интерес представляет рассмотрение истории славянского освоения этой территории, как она восстанавливается по археологическим материалам.

Первые достоверно славянские памятники в междуречье Днепра и Северского Донца датируются V–VII вв. Это поселения пеньковской